

Алексей К. Смирнов
Пассажиры

Алексей Смирнов

Пассажиры

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Пассажиры / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741001-8

Это маленькие рассказы-впечатления о поездах, троллейбусах, автобусах, трамваях и тех, кто в них ездит. Они накапливались, и вот их набралось достаточно, чтобы показать вместе, ибо концентрация всегда способствует лучшему впечатлению. Они создавались в дневниковом режиме, и этот налет сохранился.

ISBN 978-5-44-741001-8

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Желание	7
Ручьи	8
Гармонь	9
Кое о чем забыл	10
Гранин	11
Мешок	12
Путевая заметка	13
Акустика	14
Денисы и Дионисы	15
Что нужно делать, чтобы стать героем романа?	16
В Москву! В Москву!	17
Банда	18
Банда-2	19
Универсальный солдат	20
Форма и содержание	21
Колебательный политес	22
Зеркальные бездны	23
Пеннивайз	24
Код активирован	25
Боярыня	26
Беловоротничковая преступность	27
Под страхом казни	28
О телепатии	29
Оболонь	30
Коврик	31
Апельсиновый Рай	32
Жизненное пространство	33
Хычины и трубочка	34
Большаки и проселки	35
В троллейбусе	36
В другом троллейбусе	37
Дискурсы и визуальные ряды	38
Крестьянская элита	39
Перекресток миров	40
Железный Гейнрих	41
Зоологическое	42
Теплое место	43
Нуль-пространство	44
Милая мама, жизнь подарила мне и тебе	45
В рабочий полдень	46
Правда на правду	47
Призыв	48
Демииурги	49
Анимализм	50
Полифония	51
Правила маскировки	52

Пластырь	53
Ручки	54
Кун-шу	55
Пропавшие среди живых	56
В ассортименте	57
Экипаж	58
Роден	59
День Пограничника	60
Поезд в огне	61
Форма материи	62
Игрушечное счастье	63
Озноб	64
24 часа	65
Зазеркалье	66
Проекция	67
Москва – Петербург	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пассажиры

Алексей Константинович Смирнов

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4474-1001-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Желание

Иногда возникает желание придумать поезд.

Но все поезда уже придуманы. Пелевин, начитавшись Голубой стрелы, придумал Желтую. Уже существует Паровозик из Ромашкова. Есть жуткий поезд Блейн, за которого Кинг достоин безжалостного психоанализа – чего-то там насчет удержания и отпускания. Самый, по-моему, симпатичный поезд – у машиниста Лукаса работы Микаэля Энде (не путать, конечно, с писательницей Лукасом Ольгой, у нее нет поезда, но и она разъезжает туда-сюда, от Петербурга до Москвы и обратно).

Есть Достоевский поезд, разводящий своих мрачных пассажиров по угрюмым романам. Есть Толстовский, со следами Анны Карениной на осях-колесях. Даже была сомнительная скороговорка «поезда-поезда».

У Масодова есть атомный бронепоезд. У Сорокина – ломтевоз. У Корецкого – поезд с баллистической ракетой.

Поезд всемогущ, и советская группа «Земляне» обращалась к нему с такой, если я только ничего не путаю и не перевираю, молитвой: «Поезд, пока не поздно – надо любовь спасти».

Стоит на запасном пути, как нас уверяли на кафедре микробиологии, и наш бактериологический бронепоезд. А у Александра Покровского вообще не счесть поездов – правда, они временно превратились в подводные лодки.

У Агаты Кристи есть «Восточный экспресс» и «Тайна голубого поезда».

Но хочется чего-то своего. С вагоном-рестораном и проводницами неизвестного назначения и следования. Что-то вроде Красной стрелы, только без почивших в бозе Хрюна и Степана с их подозрительными друзьями-попутчиками.

И красного цвета тоже, пожалуй, не надо. И долгих стоянок при буфетах. И чтобы станционный колокол по ком-нибудь звонил.

Теперь – откланяюсь и отправлюсь на самый обычный, зеленый поезд. Называется Электричка.

Ручьи

Ехал я вчера (тут у меня постоянное вчера-сегодня, пусть вас это не смущает, потому что наполовину дневник) в электричке: лето же началось. Ну, и люди начались. Что о нем скажешь, сидевшем напротив? Будто и ничего. Загадка, которых шесть миллиардов. Лет пятидесяти, в трениках, очень обиженный кармой: весь в бородавках; ведь бородавки – следы многократного кармического отягощения. Мне так, во всяком случае, рассказывали мудрые книги. У меня их на руках было полно, но я еще в школе свою карму выправил, и все они сошли от колхозных ядохимикатов, и мне теперь доброжелательно улыбается Будда. Иногда, правда, случится какая-нибудь немыслимая гадость, а Будда все лыбится, и начинаю сомневаться в адекватности его чувства юмора. Ну да Христос с ним, с Буддой.

Так вот: сидел он, весь в бородавочках, с болезнью даже, я бы сказал, Реклингаузена, при которой образуются многочисленные жировики, с собачьими глазами и телефоном в кармане. Телефон зазвонил, и он торопливо заговорил: да, я в Ручьях, буду дома через сорок четыре минуты, везу свежие грибы. Помолчал, выдержал удивленную паузу и пояснил: Строчки. Видно было, что он на что-то надеется, что очень рад строчкам. Благодаря этому грибному сбору ему зачтут один грех, и какая-нибудь бородавка отвалится, отсохнет. Отлепится, сидит. И вроде, успокоился. И вдруг раскрыл пакет с этими ведьминскими строчками, понюхал оттуда и расстроился снова. Так расстроился один мой кот, когда лизал-лизал у себя под хвостом, а потом вдруг перестал, задумался и понюхал, и ему морду перекосило. Поэтому со своими строчками в пакете он, пассажир, ехал уже вконец опечаленный, безнадежный. Думал заслужить ими нечто, но выходило, что нет, не заслужил... Тоска в его глазах сгущалась с каждым километровым столбом, но только версты полосаты попадалися одне. Он начал нервничать, озираться, о чем-то бормотать. Ушел и унес свою ношу в тамбур, ему стало невыносимо сидеть.

Гармонь

Впервые ощутил в электричке желание подать убогому гармонисту. Потому что он разбудил соседа напротив, который храпел так, что хотелось добавить ему насморка для полного перекрытия кислорода. Не подал: тот снова вырубился от веселой песни и сам подключился к основному инструменту своим, вспомогательным. «Детство, детство, ты куда ушло», – пел гармонист. А его аккомпаниатор уже давно сопел, как я догадался, о том же – с момента посадки и до самой высадки. Между прочим, на пальце у него было кольцо всевластья с рунами для транспортных срунов и храпунов.

Кое о чем забыл

Затеяв сериал о пассажирах, я по оплошности забыл назвать кое-кого из тех, кого сам же и прихватил себе в попутчики. В частности, ехал со мною толстенный Фома по фамилии Аквинат, которого на богословских хлебах раскидало так, что он еще не полностью выгрузился из типографской пекарни, а уже претендовал на два места, имея в себе два тома, побольше и поменьше; на меньшего я приобрел собачий билет, но контролер был настроен против, хотя больший все налегал на какие-то индульгенции. Толстый Фома достал меня требованием обсуждать только те вещи, причины которых самоочевидны; мне же они самоочевидными не казались, и я заслушался историей другого своего спутника, Стивена Кинга, чей рассказ о Волках города Кальи тоже не был самоочевидным, но зато довольно захватывающим. Да и места этот Кинг занимал поменьше Фомы, и вообще он угодил под колеса пять лет назад – меня по специфике прошлой – врачебной – профессии просто притягивают инвалиды, так уж написано на роду. А если какой монашествующий хомяк и угодил под телегу, то это уже совсем другой механизм травмы.

Гранин

Вчера в электричке расплачивался за праздное любопытство. В вагоне ехал старичок, как две капли воды похожий на писателя Даниила Гранина. Я Гранина однажды видел и относюсь к нему доброжелательно.

Я заинтересовался старичком и даже сел напротив, чтобы его изучать. Проклятый дед обрадовался и сразу вступил в разговор. Я спросил у него в лоб, не Гранин ли он («Кто такой?») – удивился старичок). Оказалось, что это железнодорожник.

«Железная дорога», – бросил он проходившим мимо контролерам. Со строгим достоинством. Но потом его поволокло на литературу, он стал рассуждать о недавно почившем в бозе Быкове (Василе), Солженицыне, Николае Островском. И я задумался: может быть, это все-таки Гранин? Может быть, он просто очень скромный? Ведь поразительно был похож, феноменально. Одно смущает: зачем он назвался перед контролерами железной дорогой? Неужели сжульничал? Досадно такое крохоборство в известном писателе. Пожилой человек, между прочим, а я с ребенком был.

Мешок

Речь, вообще говоря, пойдет не о пассажирке, а о ее мешке.

Пассажирка – обычная дачная бабушка, хлебосольная, живенькая такая (непроста!)

Мешок у нее завелся примечательный. С красными полосами поперек и красным шрифтом покрупнее и помельче: ПОДАРОК ИИСУСУ ХРИСТУ. ПОДАРОК ИИСУСУ ХРИСТУ В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ.

Строчек восемь.

А из мешка проступает простенькое барахлишко; покушать что-то в фольге, яблочко.

Был такой мультяшник: «Подарок для самого слабого». Прислали в лес огромный ящик. Для зайчика, конечно. Ну, все самые слабые – волки там, лисы, медведи и не помню еще, кто там живет в лесу – передрались, доказывая слабость ума. А ящик открылся, и вышел оттуда Лев Рыкающий всех пожирать, кроме зайчика. Кто имеет мудрость, тот делает вывод.

Путевая заметка

Электричка.

Едут: я. Неизвестный дедуля. Неизвестные сопроводительницы дедули, они же его спутницы.

Дедуля (с удовольствием повторяет четыре или пять раз):

– У меня удостоверение есть, – (втолковывает ахающим от изумления соседкам). – Но я билет-то беру. Восемь рублей – что мне? Смешно. Пятьдесят копеек зона. Зачем это я буду за так ездить?

И его простое лицо улыбается. И все радуются за него и за всех людей. И я радуюсь его простому улыбающемуся лицу, сознательности которого радуются все другие люди.

«Жива страна, – думаю про себя, – коль не стоит село без праведника». Бессознательно и без особого желания повторяя живого покамест классика.

Пришел контролер. Никакого билета у дедули не было, было удостоверение, но он и здесь не воспользовался документом, а стал, нагледевшись на зайцев и обиженно повинуясь традиции, совать мытарю взятку достоинством в десять рублей.

Я понял, что на дедулю в космической перспективе полагаться нельзя. Его доброна-родная и просветленная простота были вызваны склерозом и нарастающей энцефалопатией.

Но село все-таки стоит. У меня был билет. Да. Не все еще сгнило.

Акустика

Еду с дачи.

Слева – молодое семейство: он, она, некто вроде дочки и такса.

Едва уселись, такса затеяла омерзительный визг. Ехать мне было долго, и я расстроился.

Но умная псина поняла, где находится, быстро угомонилась, и мои нервы успокоились соответственно. Электричка весело неслась, размахивая мороженым.

Однако вдруг я услышал скрипучие, газоиспускательные звуки, которые были во сто крат отвратительнее таксиных. Я никак не мог установить источник, крутил головой. Потом увидел и понял, что хозяин таксы, недовольный ее сном, будит ее, делая так губами. Та морщилась, но он не унимался и делал дальше.

Денисы и Дионисы

Сколь отраднo возрождение античной культуры стихосложения в двух дебильных молодых людях, что заняли переднее сиденье троллейбуса. Одиoчное. Они сидели друг у друга на коленях, являя собой образчик патологии влечения. В своем недуге они утешали друг друга стихами.

Один читал громко и складно, что-то про крокодилов и плаванье в бассейне с неизбежным кусанием – я не успел записать, к сожалению; потом – про кукушку, которая чешет ему часы.

Другой вторил тихо, но в унисон, судя по взаимному благодушию.

А троллейбус стоял на Литейной пробке, как влитой. Пробка образовалась на славу: поучительная и познавательная. Вокруг стояла тишина.

Когда двери распахнулись, влюбленная пара с клиническим – поверьте специалисту – диагнозом на лице, одним на двоих, в обнимку помчалась навстречу зоологическим чудесам, ради которых зоопарки не надобны, их везде предостаточно.

Что нужно делать, чтобы стать героем романа?

Не так уж много.

Чтобы попасть в мой роман или во что другое, человек может сделать, к примеру, такую вещь.

Напротив меня, в электрическом поезде, сидел юноша лет семнадцати-двадцати, и он слушал плеер (в роман попал). Без машинки вполне нормальный и заурядный, в соединении с плеером он вмиг обернулся редкостным идиотом. Веселое цоканье маршировало напрямик в мозговое представительство половых функций. Безымянный молодой человек полностью растворился даже не в музыке, а в предмете. Он не просто слушал цоканье, он облизывал плеер, слюнявил; изумленно отводил руку с плеером, чтобы рассмотреть его во всей полноте инженерного замысла. Потом подносил обратно к лицу, прикладывая то к левой, то к правой щеке – по-христиански. Глаза его плавали, ни на чем не задерживаясь, рот искривлялся в инопланетном резонансе.

В Москву! В Москву!

Мое путешествие было скромным и тихим, и все события подобались какие-то скромные и тихие.

В поезде проводница остановила меня, когда я шел курить:

– Вы в который тамбур идете? – (подозрительно).

– Вон в тот.

– Вы настоящий пассажир!

Звучали и другие странные вещи. Например, некая мама урезонивала дочку: «Солнышко пропало – туалет закрыт».

...В самой Москве я по привычке глазел на разные объявления. В метро попадались такие, каких я в Питере не видел – например, обучение танцу живота. У нас не учат почему-то, плетемся в хвосте у столицы. Еще в метро же висят большие рекламные щиты, где написано про какие-то волшебные крутящиеся кольца с молитвой. Девять, семь, три или одно?

Также: «Профилактика случайных связей». И лечение закономерных.

...Брат рассказал, что по площади Хо Ши Мина бродит врач-гинеколог, пассивный педераст, и всем предлагает за бутылку водки орально-генитальные услуги.

Банда

В нашем районе сформировалась банда карманников. Орудуют в троллейбусе №20. Их все уже знают. Похоже, что они так и не довели до конца ни одного дела.

Стоит им втиснуться и вздохнуть с облегчением и надеждой, как контролер объявляет: «Осторожно, в троллейбусе карманники». Публика очень быстро их обнаруживает по рукам, трясущимся в естественных карманах и полостях тела. Салон наполняется радостным и свирепым узнаванием. Карманников изгоняют на улицу.

На улице те потерянно стоят, шипят и ругаются скверными словами.

Они, в основном, страшные тетki с расплюснутыми лицами. Есть еще один или два мужика, в перекрученном галстукe.

Их очень жалко.

Создается впечатление, что это вовсе и не карманники, а какая-то компания, которая некогда выпила боярышник и уже не может остановиться в галлюцинаторных метаниях.

Банда-2

Сегодняшнее происшествие.

Я втиснулся в автобус, а следом – женщина.

– Отдайте мой кошелек, пожалуйста, – обратилась она к пассажирам. – Там очень важные карточки. Заберите деньги, а кошелек отдайте.

Никто не шелохнулся.

Женщина монотонно повторила:

– Отдайте мой кошелек! Пожалуйста. Копейки заберите, а кошелек отдайте.

– Да кто же отдаст, – слышалось из толпы.

Появились первые гипотезы.

– Это женщина, которая на задней площадке мальчика искала! «Вы не видели тут Жорика? Жорика не видели?» Вот она и шныряла повсюду! Отвлекала внимание жориком! Никого не нашла и не расстроилась даже! И вышла!

Мне показалось, что это разумное предположение. Если в автобусе ни с того, ни с сего начинают искать жорика, то это очень подозрительно.

Потерпевшая уже помалкивала.

К моему изумлению, тема жорика плавно и неуловимо логично перетекла в обсуждение политических симпатий. Кто-то, оказывается, голосовал за Единую Россию, а кто-то за Зюганова. В диспут постепенно втянулся весь салон.

Вдруг я понял, что карманники – это все пассажиры автобуса, и это они сейчас отвлекают друг друга с тоски, потому что им больше некого грабить. Кроме меня. И я поспешил к выходу.

Водила, конечно, был с ними в доле. Видя, что я ускользаю от карманников, он вдарил по тормозам так резко, что у меня отлетела интимная пуговица.

Универсальный солдат

Картина: утреннее метро, станция «Нарвская». Эскалатор на подъем, самый верх.

Пассажиры, вырливающие на финиш, обнаруживают, что им навстречу перемещается солдат.

Здоровенный детина в камуфляже шагнул на лестницу-чудесницу и сосредоточенно движется как бы вниз. То есть идет на месте. Как заведенный, пригнув голову, размеренным шагом – чтобы и вправду не обогнать эскалатор. Лицо бесстрастное, каменное, трезвое, но лучше бы пьяное.

Развлекается на манер пятилетней «девочки, скажи восемь».

Публика цепенеет, спешит куда подальше.

Через какое-то время воин привлек внимание местной секьюрити, на него гаркнули.

Вышколенный служивый сразу послушался, отошел в сторону и весело вынул мобилу.

Я присмотрелся – нет ли где регочущих однополчан и побратимов, или подруг хотя бы. Не было никого.

Уже не важно, уйдет ли такой из части с оружием или останется в ней. Мысленно он давно отовсюду ушел. И холодно взирает на приключения скорлупы.

Форма и содержание

Ребенок вернулся из-за границы. Едем в метро.

«Очень непривычно, – заявляет, – что все вокруг по-русски говорят».

«Неважно, – отвечаю, – по-каковски; главное – что».

Ребенок с чувством закивал: да, мол.

И правильно: сели в поезд, а там гуляет огромная бабища. Торгует престижнейшим и элитнейшим журналом «Гламур». Ну, какая у нас элита в вагоне? Никакой. Никто и не покупает. Кесарю кесарево, а слесарю слесарево.

Бабища села со своим гламуrom и вдруг заорала, глядя перед собой:

– Вот если бы пиво продавали, так сразу бы потянулись! Ебанный Ванька, женщине подарок не сделать!... А у меня отец воевал! Хоть бы все мужчины передохли!..

...За городом меня подкараулило еще одно хитроумное отличие от Парижа.

Дано: электрички по расписанию – в 18.12 и 18.34.

Изменение 26 августа: 18.12 пойдет в 17.49.

Приходит поезд в 18.20.

Спрашиваю кассиршу: что это за рейс?

Она, с жалостливым презрением: «Это 18.08».

Колебательный политес

Иду себе к эскалатору. Станция «Нарвская».

Посреди платформы – маленькая мимическая группа: два возбужденных человека, нахмуренный милиционер и заинтересованный станционный смотритель.

Милиционер (недоуменно и с угрожающими нотками):

– Вам что, вагона мало?

Первый человек:

– Это он меня вытолкнул!

Второй человек:

– Нет, гад, это ты меня вытолкнул!

Они, получается, не разошлись в дверях и выкинули друг друга из вагона.

Я вспомнил фрейдистов, которые утверждают следующее: если двое не могут разойтись в дверях и маневрируют вправо-влево, порождая синхронные колебательные движения, то этим якобы вежливым людям на самом деле хочется вступить друг с другом в половую связь. И я припомнил многие случаи, когда я с кем-то не мог разминуться, и ужаснулся своей латентной извращенности. Там ведь и женщины были, и дети, и ветераны войны, и даже, по-моему, комнатная собачка.

А эти двое – настоящие, здоровые мужчины. Никакого подсознательного умысла. Не умеешь посторониться – получи в рыло.

Зеркальные бездны

Мелочи обыденной жизни, как всегда, являют глазам зияющие пропасти.

Еду в троллейбусе. Сiju. Передо мной – какой-то дед, затылок седой.

Встревоженная контролерша болтается взад и вперед, трудовая пчела. Подошла, настороженно уставилась мне в левую бровь и спросила, обращаясь ко мне же, сидящему в единственном экземпляре:

– Молодые люди, я вас видела?

Откуда я знаю, чума, что ты видела.

Лучше бы не видела, потому что отражаться в сознании, которое напоминает треснувшее зеркало, опасно для здоровья. Вообще опасно отражаться в постороннем сознании. Хочется набросить на него платок, как на то же зеркало или, еще лучше, как на клетку с придурковатым попугаем.

Пеннивайз

Видел в метро клоуна, на станции Невский проспект, внизу.

Не рекламного зазывалу с листовками и пирожками, а вполне заурядного, бытового. Рассмотрел его только со спины: высокий, возвышается над всеми, как баскетболист; на голове – огромный зеленый цилиндр с широкими полями, примятый; фиолетовая куртка; белые с красным, очень пестрые штаны с такими широкими штанинами, что будто в мешках идет; желтые штиблеты. Длинные патлы, под мышкой – сумка-тележка в красную клетку.

Сосредоточенно ковылял к переходу на Гостинку.

Народ не особенно реагировал. Лет пятнадцать назад – да, пожалуй, а нынче ничего такого.

Я немного прошел следом, присматриваясь. Может быть, это материализовался чей-то герой – кинговский Пеннивайз или помельче, мой собственный. Мне иногда попадаются мои герои – бомжи, например, с котами на плече; один такой даже в метро проезжал.

В общем, ничего не понятно.

Не исключено, что это специальный аттракцион для местной милиции по случаю всеказарменного праздника. Непорядок, сгустившийся в неопознанный шагающий объект. Я думаю, контролерше хватит воображения не пропустить клоуна без жетона, сунься он снова в метро, а милиции хватит фантазии посадить в обезьянник.

Код активирован

Однажды на станции я поймал разбойника.

Дело было так: шагаю я по платформе (метро «Кировский завод»), прямо к Ленину, который окаменел у дальней стенки. Вдруг мне навстречу несется женщина лет 25—30, растрепа. Спотыкается на каблуках и орет:

– Помогите! Кто-нибудь! Телефон, мой телефон!..

Оборачиваюсь и вижу личность, которая во всю прыть улепетывает к эскалатору. И я побежал. Тут подошел поезд, и личность нырнула в последний вагон. Я – следом. Вижу: сидит, отдувается телефон крутит. Увидел меня и выскочил обратно на платформу, и я за ним выскочил. Догнал его, сбил с ног, отобрал телефон и вручил барышне.

Случай довольно заурядный, хотя я, конечно, не каждый день ловлю разбойников. Не стоило и рассказывать, когда бы не одно но: все эти погони, прыжки, удары совершенно не в моем обычае. Более того: я и не думал за ним гнаться, и сознание активно сопротивлялось, но только внутри вдруг включилась неизвестная программа. Я сорвался с места не думая, в секунду, ноги сами бежали, а все остальное тоже само делалось. А голова вообще не помогала, только жалобно и тщетно меня тормозила.

И вот я подумал, что, может быть, я на самом деле был когда-то опасным и секретным агентом, а потом мне стерли память, и я стал заниматься черт знает чем: писать всякую херню, переводить, редактировать, обед варить. Но в действительности во мне дремлет секретный материал, и фамилия моя – Икс-Файл.

Может быть, во мне скрываются и другие способности. Я ведь эту барышню потянул за рукав в вагон, чтобы уехать подальше от греха. Но она совсем обалдела и подумала, наверное, что я за этот телефон потребую от нее половой признательности, и не пошла. Двери закрылись, поезд поехал, и я видел, что разбойник уже снова ковыляет к барышне. Ну, если дуре написано на роду быть битой, то даже супермены бессильны. Но вдруг я сумел бы, как в фильме «Привидение», бесплотно просунуться сквозь стенку вагона и следить? Остановить поезд? Устроить с преступником дуэль в туннеле? Да мне теперь кажется, что запросто. Но я поздно сообразил и поезд уже далеко уехал.

Сейчас я думаю, что я вообще сложный и замаскированный полицейский робот.

Боярыня

Пустяк, но запомнился.

В метро мне не хватило места на лавочке сбоку, где помещаются три человека. То есть место было, потому что там отлично помещались целых два человека, но места этого было мало.

Вообще, место в метро оставляет в памяти след. Когда на выходе видишь, что туда, откуда ты только что встал, уже кто-то усаживается, внутри набухает иррациональное раздражение. Хочется, чтобы это сиденье пустовало всегда, в память о тебе, и поезд так бы и ездил.

И я сидел, как на жердочке. Я нынче не толстый и не худой – так, средний. Молодой человек слева был вообще худощавого, научно-исследовательского сложения: сидел, уткнувшись в какие-то бумаги.

Зато справа от меня расположилась скала.

Она не шевельнулась ни на дюйм и даже не дышала. Сидела плотно и умиротворенно, поблескивая перстнями. От нее слабо тянуло печкой. Лица я не видел и не стал смотреть, когда приехал, куда мне было нужно. Умозрение и без того перестраивало лавочку в розвальни, а женщина-скала трансформировалась в голосистую Боярыню. Которая едет в ссылку. За окнами темно, мелькают огни, объявляются следующие станции: Молочная, Говяжья, Докторская, Ветчинная...

Беловоротничковая преступность

Еду я давеча в метро.

И волей-неволей прислушиваюсь к разговору молодых людей, студентов.

Тема меня живо заинтересовала. Они вполне серьезно обсуждали, как бы это им исхитриться и сделать профессора, которому экзамен скоро сдавать, хронически недееспособным. Подумывали травить его снотворным.

– Раз проспит, два проспит...

– Это статья!..

– Нет, если снотворное, то никакая не статья!

Тут я вышел, а они так и продолжали вынашивать планы, поехали дальше.

Дома мы с женой обсудили ситуацию и решили, что это юрфак.

Типичное чистоплюйство, хитросплетения в духе Агаты Кристи, которые непременно раскроются. Чем умнее злодей, тем скорее он попадетсЯ.

Надо быть проще. Я говорю это со знанием дела, потому что потом ехал еще и в автобусе. Там тоже были молодые люди, двое, но явно не из университета. Они сидели; один говорил, а другой слушал и кивал:

– Трепанацию ему, блядь. Потом наосу в мозги, и хабарик туда вверну, а потом снова вдарю.

Это уже ПТУ, его современный аналог – колледж. Наверное, тоже экзамены на носу.

Под страхом казни

Сегодня 16 февраля, время заряжать бесконтактные проездные билеты.

В троллейбусе номер двадцать, на задней площадке, обосновался пожилой ебанько, в куцем и драном пальтишке. Глаза подернуты пленкой, как у мертвой птицы. Из дальнейшего крика выяснилось, что ему семьдесят три года.

К ебанько немедленно порулила билетерша классической наружности: неохватная вся, зад поддернут к затылку, в толстых шерстяных рейтузах. С прибором наперевес, проверять бесконтактные проездные билеты на предмет их заряженности.

Короче, что тут говорить.

Ебанько уворачивался от прибора и прятал карточку. Он озабоченно и монотонно бормотал, что не даст себя расстреливать из автомата.

– Не дам расстреливать.

Билетерша, торжествуя от морального и физического превосходства, крикнула:

– А как же компьютер? Когда компьютер вам заряжает?

– Компьютер, – бывалым тоном возразил ебанько, – это другое дело. А это автомат чтобы расстреливать, я не дам.

– Да у вас там не пойми что нацарапано!

– Потому что чернила! чернила, блядь, не пишут на карточке! Чернила!

– Возьмите нормальную ручку!

– Я десять нормальных пробовал! Меня в сорок первом году расстреливали, я не позволю автоматом расстреливать.

– Так! Давайте карточку, я сейчас буду ее проверять!

– И нечего, и нечего...

– Мужчина, у вас с головой все в порядке?

Задумался. Пауза. С неожиданным достоинством:

– Я думаю, что да...

Ладно, занавес.

О телепатии

Все-таки хорошо, что телепатия если и есть, то не очень. Потому что иначе существовал бы риск произвольно присоединиться к чужому внутреннему миру и там даже застрять, как это случилось с инопланетянами Воннегута.

Сегодня, шестого числа ноль шестого месяца и ноль шестого года я, как и полагается в такой день, купил фильм «Шайтан» и сел в автобус номер шестьдесят шесть.

Этот автобус хотя и не полностью сатанинский, стремится к совершенству и надеется со временем заработать себе призовую шестерку. Он ездит без кондуктора. С одной стороны, это очень хорошо и приятно. С другой стороны, водитель пропитывается Мировым Злом. На остановках он сначала выпускает всех в переднюю дверь, а прочие не открывает, чтобы никто не прошел мимо него, не заплатив. Ему почти и не платит никто, суют разные документы, и он пропитывается дальнейшим сатанизмом.

И вот сегодня я порадовался, что не владею телепатией и не могу соприкоснуться с его охотничьими помыслами. Какая-то девушка, красивая роковой красотой, вдруг отскочила от передней двери и побежала к средней, которую он уже открыл. У нее, конечно, не было билета. Я следил за лицом водителя в зеркальце. И видел, как он следил за бегом девушки. Когда та начала выпрыгивать из автобуса, он очень ловко поймал ее дверями и зажал, как зажимают пальцами нос, проворно, и прокатил ее немножко под ее же визг. И еще сказал у себя в кабине громко: «Вот так!»

Он здорово насобачился, очевидно.

Оболонь

Еду я в электричке, народу очень много. Зной. Но все какие-то некреативные сидят, читают сканворды, жрут эскимо.

А надо мной сконцентрировалась молодежь.

Я, вообще говоря, люблю молодежь. Я и сам молодежь без малого. И вообще думаю, что бывают люди. Но не всегда.

Так вот эти были креативны до того, что их хватало на весь вагон. Реготали, взывали и всплясывали на большой пластиковой коробке пива «Оболонь». Ну, а другую, распечатанную Оболонь они уже жрали. Плясать на Оболони было прохладно, а вокруг – очень жарко.

И тут пришли контролеры. Не какие-нибудь осоловелые дядечки, уже насобиравшие десятирублевки на рагу с пивом, а женщины с настолько неустроенной личной судьбой, что у них глаза были белые.

– Нет билета? Отдавай Оболонь!

И стали отнимать Оболонь, катать ее по проходу.

А одна, совершенно светлая от ненависти, сказала зайцу:

– Так вот чтоб у тебя так стоял, как ты оплачиваешь!

Я по глазам приметил: не пустая угроза. Лучше уж бегать за Клинским.

Коврик

Троллейбус. Квадратная кондуктор.

Нависает над какой-то дамой и качает головой с издевательской укоризной. Видимо, не впервые за день.

– Коврик здесь что же – для того положен, чтобы вы попой сели?

– Какой коврик??...

– Коврик!!

– И?...

– Это мое место, разве непонятно?

– Откуда я знаю, что оно ваше? Кондуктор всегда в другом месте сидит!

– А коврик зачем же положен?

– Да я такой коврик возле двери не положу!

– А зачем же сели?

Затихание, бормотание, шипение, медленно сходящие на нет – В. Набоков, «Николай Гоголь».

Апельсиновый Рай

На задней площадке троллейбуса я оказался по соседству со словообразующей машиной.

За две минуты езды я полностью ознакомился с особенностями обыденного функционирования машины.

Начала она с того, что стала давать соседке, бабушке с тележкой, советы насчет рационального поднятия тяжестей. И еще говорила о пользе заблаговременного планирования, так как башкой мы наперед ничего не думаем. Потому что сама она надорвалась на кладбище, которое посетила на Троицу, убирала там с могилки палую листву, а листва-то сырая и тяжелая («Да, да», – кивала старушка), но словесная машина подумала: как же так! «Наши покойники будут лежать под листьями с наших же деревьев!...»

Это место я не особенно понял.

Потом машина перешла к разговору о пенсиях, и старушка оживилась. Машина рассказала, как пришла в столовую и заказала себе пищу, а продавщица ответила, что сдачи нет, и придется подождать. Зимы ждала-ждала природа. Через полчаса машина напомнила о сдаче. «А та мне вдруг и говорит: давай, вали отсюда на хер! Вы знаете, мне стало так плохо... Вот вы не поверите, я уже два года хожу мимо этой столовой и никак не могу зайти, а продавщица уже, может быть, уволилась или пьяная сидит, кто ее разберет...»

Старушка, сочувственно: «А я пришла покупать апельсины. Пошла на контрольные весы и вижу: восемьдесят грамм не хватает! Целого апельсина. Пошла к продавцу, а он мне говорит: вы его съели».

Слушая этот разговор, я решил помечтать. Вообразить себя Суперменом – летающим, в обтягивающем сине-красном трико. Который спасает униженных и оскорбленных и переносит их в Апельсиновый Рай, где никогда не обвешивают: уплатил за кило – кило и получи. Я долго мучился, но странное дело! Я никак не мог преобразиться в своих фантазиях и стать Суперменом. Мне почему-то не хотелось.

Тогда я снизил планку и стал воображать себя Микки Маусом. Знаете, из старых мультфильмов, где он сидит на Луне и дремлет, а на Земле творится волчий беспредел, но вот до Микки долетают вопли обиженных, и он метеором срывается вниз, выставивши перед собой огромный кулак.

Но и Микки Маус мне как-то не покатило. Неохота спасать, и все! Что за притча – не понимаю.

Жизненное пространство

Широко и беспрепятственно распространены вот какие пассажиры: это огромные женщины солидных лет, и годы эти тягучими своими жирами перетекают в преклонные. Они, эти женщины в просторных панамах и летних платьях, достаточно добродушны, ибо для зла им остается не особенно много места, но и своего они не упустят.

Еду в метро, стоя. Ниже – лысоватый папа с дочкой. Может быть – дядя с племянницей.

Женское пассажирище надвигается с левого фланга и томно выдыхает, одновременно ухитряясь кудахтать, ибо висит на волоске ее жизнь:

– Уступи мне место, деточка, уступи!

Деточка уступает.

И вот здесь начинает проявляться особое качество таких пассажиров: они начинают суесться, притягивать к себе кульки, брать на колени чужие сумки и ворковать:

– Да вы садитесь, садитесь, тут места хватит!

А сами, противореча сказанному, медленно, неуклонно расползаются по сиденью, так что место оборачивается узенькой щелью.

Уже кто-то и встал, потесненный, еще один, другой, и места довольно, а она все воркует и приветливо приглашает, а девочка-дочка-племянница все стоит.

И широкоплечий мужчина, сидящий напротив, из-за моей спины обращается к папе-дяде:

– Ты блядь такая, а ну, пускай она садится! Сука, пизда ты нерусская! Что ты сидишь тут, пидор хуев, по ебалу хочется?

Пространство вокруг расползшейся по лавочке женщины пустело на глазах. Она автоматически, округливши глаза, продолжала приговаривать, соображая мирком да ладком, как будто месила тесто в собственной голове:

– Да садитесь, садитесь, мы все поместимся!

Дочка-племянница уже сидела рядом с дядей ли, папой. Оба смотрели в пол.

– Ну, блядь! – не унимался супротивный ездок.

Я так до конца и не вник в происходящее – что тут такое? мне было выходить, и всем было выходить, и все разошлись по делам, которых в прекрасном и яростном мире всегда до черта.

Хычины и трубочка

Электричка. Душная, набитая изрядно.

Семейство: супруг – по виду Шариков, но уже питерец в третьем поколении, супруга и двое детей-подростков.

Отец:

– Вот сейчас попьем колы и поедим бананчиков.

Перехватывает взгляд моей жены:

– Мы вам мешаем?

– Вы нас забавляете.

После пары бананчиков отец ударяет себя по лбу: хычины!

– У нас же есть хычины!

Они и в самом деле положили на бумажную тарелочку два хычина, один на другой. Тарелочку держал отец, а прочие члены семьи склонялись и откусывали по окружности.

Отец сердился:

– Отцу-то, отцу-то оставьте! Откусите отцу!

И пояснил окружающим, что у него сломана челюсть, и он не может откусывать, но зато умеет жевать. Старший сын откусил ему от хычина и плюнул на хычин, а отец подъял сплюнутый на хычин хычин и стал рассуждать о глубине укуса: вот мать кусает поглубже – не то что ты!

Действительно: мать выкусила хычин со знанием дела и знатно попотчевала главу семейства.

Тем временем где-то вдали шел мороженщик.

Двери вагона разъехались и ворвалась женщина с сахарной трубочкой в руке.

– Верните мне деньги, – сказала она тихо.

– С какой же стати?

– Оно надкушенное!

Обертка была надорвана, и виден был след зубов, подкрашенный помадой.

– Оно растаяло, дура ты блядь!...

Мороженое полетело торговцу в рожу.

И правильно, даже если растаяло. Потому что не я придумал, что человек звучит гордо.

Большаки и проселки

Мне повезло прокатиться в пригородном автобусе: пустынные трассы, редкие остановки, отрешенные пассажиры.

И вот сложился у меня кинематографический стереотип касательно подобного путешествия в США. Знойное шоссе. Чаппараль. Дрожащая атмосферная перспектива. Одинокая остановка. Прикрыв лицо шляпой и вытянув ноги, на скамейке дремлет стереотип. Он и холоден, и горяч, он уверен в себе. Заслышав слегка испуганный автобус, стереотип приподнимает шляпу, лениво потягивается, входит в автобус. Для него тут везде салун, у него повсюду два кольца и сапоги с задранными носками. Он молча едет, развалясь, у него кожаные яйца в обтяжку.

А вот заходит пассажир близ поселка Янино. Беззубо кланяется и лихо всех приветствует, но все отворачиваются. Он, однако, не расстраивается. Всем он знаком. Плюхается на сиденье. Штаны на нем такие, что не разберешь, кожаные ли яички или пропиты уже.

В душе – Чаадаев и Хомяков, объединенные пивной литровой бутылкой.

В троллейбусе

Троллейбус.

– Вот две дамы встали, и их не обойти! Им хорошо стоять!

– У меня сзади есть место, где можно обойти и даже влететь. Встанете вон там – и будете читать, как баба-яга.

– Совесть, совесть, совесть, совесть надо иметь...

В другом троллейбусе

Привлеченный истошными воплями татуированного кондуктора, я приоткрыл глаза. Возле кабины водителя лежало напитанное тело. Оно ворчало и пошевеливалось. Осоловелые глазки складывались в улыбку.

Кондуктор остервенело колошматил его ногами.

– Что, ни одного мужчины нет? Ни одного мужчины нет? Он же все заблюет, и будете нюхать! Вы будете нюхать, учтите!

Я был мужчиной, но книжка попалась хорошая.

Заголосили бабоньки.

Одна вдруг вступилась за курлыкавшее тело:

– Ему же больно! Его же милиция заберет!

Ей вторила дородная дама с дородными руками и ногами, значительно обнаженная:

– Хуеплетка! Нашлась хуеплетка! Вот иди и понюхай его!

Огорченная хуеплетка уткнулась в морковную сумку.

– Вы будете нюхать! – вконец разозлился кондуктор.

Могучего нелюдя окончательно повалили в проход, татуированный кондуктор гвоздал его, гвоздил и гнобил.

– А нечего! Сел – и вышел! Где билет?

Он столкнул чудовище на ступеньки. Оно добродушно щурилось и порывивало.

– Хуеплетка, – раздалось сзади.

Я выжидал.

Едва нелюдь соскользнул на ступеньки, настал ответственный момент. Я – как мужчина – сорвался с места и вытолкал вурдалака взашей.

Он остался стоять на остановке, не понимая, что больше не едет. Свиные глазки посматривали в поисках автобуса без хуеплеток, дородных валькирий, татуированных властей и лысых литературных героев.

Тут он и подошел, такой мирный автобус, и он вскарабкался внутрь.

Дискурсы и визуальные ряды

Совершенное обыденное, серенькое утро, безумное.

Сажусь в полупустой троллейбус, подо мной проваливается сиденье – удивительно, ведь я по ряду причин похудел килограммов на десять. Ко мне спешит старушечка; она – кондуктор, излучающая лучи лицом и не только.

– Почтирикаем, родненький! – И целится датчиком в меня и мой билет. – Это моя зарплата!

Ну, почтирикаем. О чем бы это почтиривать? Ну, извольте.

... Вот, еду дальше в метро, давно не видел рекламу каши. И вижу-таки ее, оглашаемую мужчиной с милицейской фамилией Быстров:

ОТ ГОДА ДО ТРЕХ ДЛЯ ЛЮБИМЫХ КРОХ

Могут дать условно, если не докажут сбыт.

Крестьянская элита

Ехал в метро.

Вошел гугнивый и громогласный – обязательное профессиональное условие – коммивояжер. И затрубил, а лицо тоже не без врожденного перекося:

– Лучший в России элитный журнал Крестьянка!... Ба-ба-ба-ба-ба...

Напротив меня сидели мужики, такие тоже сложные, и вот один ожил:

– А ну замолчал быстро! Еще и орет, блядь! И так на душе тошно... (Полтоном ниже): Извините, девушка. А то он еще и орет, блядь. На душе и без того. Извините. Девушка, не сердитесь, пожалуйста. (Уже виновато): Еще и орет, блядь.

Перекресток миров

Станция метро «Технологический Институт» – известный перекресток миров.
Вошел сегодня в вагон.

Первой пошла кликуша в красном пальто. «И-ля-ля-ля, и-ля-ля-ля, никогда-никогда», плюс кудахтанье и вытянутая ладошка. Такая песенка, которая пелась с неодобрительными нотками. Не без укоризны, но будто бы и бесшабашно.

С другой стороны вырос продавец воздушных шаров с приготовленным фирменным номером.

Длинное и толстое резиновое полено, оглушительно воя и медленно сдуваясь, было пущено на свободу и выебло целый ряд сидячих пассажиров. Оно протискивалось позади, судорожно билось, издавало кишечные звуки и неуклонно продвигалось вперед.

Я сначала подумал, что Началось. Фальшивая реальность осыпалась, и наступает Истина.

Железный Гейнрих

Автобус.

Небольшая давка.

Надо выходить.

Общий рев: Нога! Нога! Нога!

Зажало ногу, какой-то девице. Мне бы взяться да выдернуть, но как-то неловко стало.

Начал протискиваться в соседний проем, где еще не зажало.

Но зажало и тут. Шофер стал двигать своей дверью, нога выскочила. Как раз я выползал.

Створки начали смыкаться.

Общий рев заорал иначе: Целиком! Целиком! Теперь целиком!

И действительно: я стоял изваянием, не в силах пошевелиться, стиснутый скалами, и кротко глядел перед собой, как заколдованный рыцарь по имени Железный Гейнрих в звании Барбароссы. Которого некому поцеловать и разбудить.

Зоологическое

Есть такая особенная порода: услужливые и предупредительные транспортные козлики.

Всем-то вокруг им хочется причинить удобство.

Они среднего возраста, в кургузых полуклетчатых пиджачках, взъерошенные и лысоватые. Непременно с бородками и обязательно – с рассадой, или что там у них, в тележке, зелененькое торчит такое.

Они суетятся, козлобородатенькие, по салону, сучат копытцами и колесиками; они мечтают, чтобы все разместились наилучшим образом.

Ах, вы встаете? А я уже подвинусь! А я туточки встану бочком!

Вокруг все пустеет; они вращают тележку, как спортивный снаряд. Сыра земелька заполняет салон, но вот и рынок, им туда; они приглаживают рожки пополам с кудрями, дробно цокают копытцами.

От них пахнет серой, кладбищем и кинзой.

Они спешат, и коробка разваливается за ними, перетянутая шпагатом; тележка не поспекает за земледелием; в глазах – лукавый и жестокий огонь.

Теплое место

Салон.

Троллейбуса, конечно.

Передо мной – пустое, по-кондукторски развернутое, весьма заманчивое место. Перед местом стоит и держится за поручень женщина-ягодка, вполне при силах.

Рядом со мной – доброжелательная соседка. Обращаясь к стоящей, радостно:

– Здесь можно сесть!

Сквозь зубы:

– Хорошо.

Стоит.

Соседка, не успокаиваясь, поясняет:

– Здесь «Кресло для инвалидА» написано!

Женщина молча стоит. Откровенно говоря, она – мужчина.

Нуль-пространство

Москва, Ленинградский вокзал.

Громкоговоритель, многократно, судя по тону – сексуально обездоленный:

– Уважаемые пассажиры! В поезде номер тридцать нулевой вагон находится в середине состава! Повторяю...

Ресторан?? Теряюсь.

Милая мама, жизнь подарила мне и тебе

В общем, общественный транспорт. Полубабуля.

Монополудиалог, если половиной назвать согласное тьяканье.

– Я вот Валентине Ивановне Матвиенко, нашей губернатору, доверяю. Как женщине. Она правительство взяла в свои руки. Мне и женщина в Никольском Соборе так сказала. Я иконку купила, они там дорогие, за пятьсот, а я за тысячу купила, Казанской Божьей Матери. Смотрела на нее, а она все плакала, слеза текла, а как на меня посмотрела – вдруг улыбнулась. Я теперь все время на нее смотрю (уже хохочет? – АС). У меня пенсия 2600...

В рабочий полдень

Питер, Московский вокзал.

Билетная касса дальнего следования для всех желающих и торгующих.

За стеклом – необычно расторопная и строгая девушка. Пальчики так и мелькают.

Клиентка из очереди:

– Как Вы хорошо работаете!.. Так быстро!

(...)

– Так.. когда, говорите, отправление?

Работящая девушка из окошечка:

– Дебилы какие-то...

(...)

– В конце вагона? Это где туалет?

Девушка:

– Но конец – не середина же...

– У туалета?...

– У туалета?...

– В конце туалета?...

Правда на правду

Спокойно. Все кончится хорошо. Потому что когда-нибудь наступит моя остановка и я выйду из маршрутки.

А если нет, то все кончится, естественно, плохо.

Я еду.

Сажу.

Позади меня – заднее сиденье. Забитое.

В переднюю дверь заруливает пролетарий в немислимом поколении, останавливается посреди салона и мрачнеет.

Дело в том, что позади меня, на заднем сиденье, грохочет Упс! Упс! Упс! Из наушников одного молодого человека.

Но до пролетария не дошло, что дело в заднем сиденье. Это же не мотор, а микро-циум, сразу не разобраться.

Вся беда была в том, что перед ним сидел другой молодой человек, у которого Упс было тише, тоже в наушниках, но пролетарий подумал именно на него.

Виновник же сидел тише воды, ниже травы.

Пролетарий набросился на добычу поближе:

– Сделай тише!

Упс! Упс!

Пролетарий вынул ему наушник:

– Ты глухой?

Ответ с сиденья:

– А машина не раздражает?

– Твой звук раздражает! Щас выкину тебя при всех свидетелях, и все будут справедливы!

Упс! Упс!

Оно, это Упс, добралось-таки до крещендо.

Тут добрые девушки, сидевшие вокруг меня, указали пролетарию на истинного виновника беды, счастливого гада, который сидел и лыбился.

Пролетарий пошел в начало салона, взял там зачем-то оставленную большую красную сумку и пересел поближе к настоящему источнику Упс, глядя строго.

Не знаю, что тут на что повлияло – вид сумки, факт ее доставки или само соседство – но Упс прекратилось.

И воцарился мир.

Тогда пролетарий повернулся к соседу, сосавшему пиво, и начал рассказывать, как работал ремонтником. В звуковом диапазоне Упс и шире.

А я приехал как раз!

Я же обещал, что все кончится миром.

Да, забыл сказать. Девчата, меня окружавшие, взхлеб обсуждали журнал с глянцевыми трусами и передачу про Дом номер Два.

Призыв

В метро (я очень внимательно слушаю такие вещи и ничего не путаю) только что прозвучало:

«Помогайте беременным женщинам, помогающим инвалидам и людям с плохим зрением».

Демиурги

Поздний вечер, метро.

Полный вагон рыбаков.

Финский бульон-залив еще не до конца переварил ледяную корку зимнего жира. Рыбаки сидят до последнего.

Мне их сильно не хватает, этих рыбаков. Несколько лет назад, когда я каждое утро садился в поезд, эти странные люди с громоздкой экипировкой были для меня бесплатным триллером. Удовольствие от созерцания этих фигур, как и от всякого триллера, строилось на контрасте и радости за личный комфорт. Я даже забавлялся, вспоминая не помню, чью, обидную песню про жен, встречающих рыбаков, которых доставили прямо со льдины на чрезвычайном вертолете. «Кормилец спустился с небес», – вот как пелось в той песне, не без высоколобого сарказма. А жены стоят внизу с разинутыми ртами.

Меня не покидало подозрение, что это какие-то особенные люди. Придешь на залив и видишь вдали множество черных мушек. Сидят неподвижно, не пьют и не курят, хотя, конечно, как-то же они пьют и курят, потому что иначе теряется весь смысл. Каждый сам по себе, никакого общения, никакого обмена продуманными мнениями и видами. И едут-то в поезде молча, лишь рыкнут изредка что-то универсальное, размытое семантически. Как будто из камня высечены, да и близко уже к тому по текстуре кожи с проникновением в податливый, восприимчивый к оледенению мозг.

Вчера я решил, что они, может быть, демиурги.

Они никого не ловят. Они зависают над водами и творят Рыб.

Они сосредотачиваются, и Рыбы образуются из ничего.

Но дело, вполне возможно, обстоит совершенно иначе, наоборот. Не исключено, что это сами Рыбы охотятся на рыбаков. Потому что эпоха Рыб к маю месяцу заканчивается, и наступает эпоха Водолея. Льдину отрывает, и вот уже Рыбы густеют косяками, ждут, когда им удастся выделить из ловцов чистый Духовный Экстракт.

Не знаю, короче. В быту такие люди ничем не выделяются.

Был у нас физиотерапевт – милейший, невысокий человечек, немного хроменький, и даже машину себе купил такую же трогательную, «Оку»; выходит однажды за ворота, а ее хулиганы перевернули, и вот он стоит весь беспомощный, кричит одиноким голосом человека. И, представьте, туда же – рыбак оказался! Сам мне рассказывал, как отправился с железным ящиком за далекие горизонты, по талой льдине. В конце апреля было дело. Солнышко к полудню припекло, захотелось демиургу назад, а берег-то вот он: близко, да не укусишь! Лед уже почти весь растаял! И пришлось ему петлять два часа, выбирать местечко потверже. Уже спешит, и ножку-то хроющую приволакивает; уже в каждой полынье ему по серой раковой шейке мерещится, но не сдается, ибо в сердце у него – пламенный рыбный мотор. Так и ходил он по водам, аки посуху, но вышел, иначе как бы я узнал.

Анимализм

Пришли родители.

Рассказывают, что видели в троллейбусе мужика, который вез на рукаве огромного откормленного ворона.

Разговаривал с ним.

Мать:

– Кто?

Отчим:

– Ну, мужик, не ворон. Мужик с вороном.

Мать:

– Что же он ему говорил?

Отчим:

– Ну, я не знаю. Ну, «не ссы, блядь, потерпи, сейчас выйдем».

Полифония

Троллейбус.

Мужчина лет пятидесяти сидит, нашел себе стоячую жертву, застенчивого курсанта медицинской службы.

– Вот ты скажи мне, кем ты будешь? Гинекологом?

Посторонняя женщина в очках, с соседнего сиденья:

– Проктологом!

Курсант, пожимая плечами:

– Кем прикажут.

Мужчина:

– Ну а все-таки?

Курсант:

– Инфекция.

Женщина в очках, словоохотливо и радостно:

– Инфузория!..

Мужчина:

– И чем ее лечат?

Курсант:

– Лекарствами. И закалкой.

Женщина в очках, с готовностью поет:

– Если хочешь, если хочешь быть здоров...

Мужчина, доверительно:

– Я вот призывался в 77-м...

Я вышел остановкой раньше нужной. Позади меня женщина в очках задумчиво приговаривала, качая головой: «Одна, совсем одна».

Правила маскировки

Никак не пойму людей, которые ездят в метро в камуфляже. С семьей, в выходной день. От кого они прячутся, от кого хотят скрыться? Ведь ничего не получится.

Чтобы спрятаться в метро, нужно проколоть себе бровь и вставить гантельку, а в уши – наушники, да выкрасить черным ногти, да взять в руки банку с джин-тонином. Тогда никто не догадается, что ты на самом деле Джеймс-Бонд и выполняешь невыполнимую миссию, сопровождаешь жену в мир кожи и меха.

Пластырь

В вагон метро вошел продавец лейкопластыря.

Он был пьяный в дрезину.

Он очень долго топтался на месте, обретая точку опоры и устаканиваясь. Утвердившись, он обратился к пассажирам:

– Лл-ляко..пстырь!... залепляет...

Лейкопластыря при нем не было. Он его потерял.

Ручки

Снова некрополитен.

Вошла продавщица всего, кубических очертаний; вошла и затрубила:

– Ручки гелевые, на масляной основе, пишут в любом положении...

Пауза. Не меняя интонации, тем же нечеловеческим монотонным голосом:

– Ручек нет, блин, кончились, надоели они мне...

Я так захохотал, что стало неловко. Беззвучно, но лицо выдавало. Вокруг сидели чинные, каменные пассажиры – кроме очаровательной девушки напротив. Она занималась тем же, что и я. Так мы и ехали, поглядывая друг на друга и прыская, пока я не вышел.

Кун-шу

Троллейбус.

Спортивная старушечка-кондуктор протягивает ладошку. Я сую мелочь и бумажку: десять рублей. Бумажка сложена пополам. Из бумажки торчит какой-то чек.

Старушечка ослабилась и весело сверкнула очками:

– А ваши чеки мне не нужны! Нет!

– А мне – ваш билет...

Не реагируя:

– Если чеки хранить – деньги не будут держаться! Чеки нужно выкидывать! Денег не будет... У китайцев написано! Кун-шу вроде, да? Читали?

– Как скажете, – пожал я плечами. Скомкал чек и бросил на пол, намусорив.

Дома у меня, между прочим, полным-полно чеков, и в карманах тоже.

Старушечка пошла дальше, помахивая детектором.

Я услышал озабоченное:

– Эти ваши карточки – тоже чеки... не будет денег...

Пропавшие среди живых

Та же кондуктор-старушечка, тот же троллейбус. Четыре дня спустя.

У старушечки – монолог. Не без яда.

Очки сверкают.

– Их сразу видно – всяких вологодцев, тамбовцев... новгородцев. Тут немцы сели! Зablудились. Я к ним, показываю: платите! А они не понимают. Тут одна подошла – давайте, говорит, переведу. Переводите! – говорю. И она стала переводить. А те как начали возмущаться! А я им говорю – вы не понимаете, где находитесь! Вы в Ленинград приехали, это вам не Европа!... А они в ответ только и знают свое: Швайн, да Швайн...

В ассортименте

Метро.

Вдохновенный торговец религиозным календарем.

– Есть Прощенное Христом Воскресение...

Экипаж

Троллейбус пошел на вираж, и все покатились.

Из-под колес вырuling невменяемый «мерин» и умчался по синусоиде, по большой кокаиновой дороге.

Салон наполнился криками:

– В который раз!... Как везет, сука такая!... людей же везет!

Я стоял молча, с непроницаемым лицом и смотрел в окно.

На уровне моего пояса ожил сидячий мужчина.

– Во всем виноват водитель, – с горечью произнес он и вдруг ударил меня пальцем в живот. – Правильно?

Я согласился, поводя носом и постигая, что спирта в попутчике все-таки больше, чем солода.

– Снег! – крикнул он скорбно и снова ткнул пальцем, на сей раз в окно, пытаясь заглянуть под колеса. Мимо струился девственно чистый и старчески пересохший поребрик, но тот видел снег. – Будто водитель виноват! Накидают, а виноват водитель.

Он помолчал, подбирая слова.

– Надоело, – сказал он решительно, – не могу больше. Пойду на Кировский завод, не хочу водителем. Водитель всегда виноват. – Он перевел взгляд на кабину, и я представил его в ней, здесь и сейчас. На лице выходного водителя появилась слабая улыбка: – А за рулем сидит мужик – он моментом отхуячит! Нормальный парень. Сорок семь лет.

Я вышел, мысленно меняя пилотов местами.

Роден

Автобус, мчится птицей. За рулем пригнулся горный орел.

Я сижу.

Позади – он и она, я их не вижу. Только слышу.

Слышу, как она притворно возмущается:

– Не порти мне прическу! Перестань!...

Я добродушно улыбаюсь: вечная весна. Роден.

Сзади, строго:

– И чтобы помылся во вторник, понял?...

День Пограничника

Сегодня я совершал разнообразные добрые дела в метро.

Сначала я подарил жетон похмельному человеку, который иначе не мог попасть домой. Сам был в столице в таком положении. Потом уступил место беременной женщине, которая чрезвычайно смутилась и даже стала отказываться. И я потом смутился, когда присмотрелся, стоя уже, потому что беременность, похоже, была не беременность, а просто большой живот.

После этого я вышел на платформу станции, что в сердце нашей Родины – Невского проспекта. И встал под эскалатором, где мне забили стрелу.

Там я начал совершать самое главное доброе дело: любовно смотреть на Пограничников, у которых сегодня День. Я рассматривал их любовно совершенно искренне. Они спустились по эскалатору и громко кричали: «Граница на замке! Спите спокойно!» Их было очень много, и все были юные красавцы, все на одно лицо.

И один из них бросил в меня пивную бутылку. Стеклянную. Промахнулся, разумеется, из-за чего я тут же усомнился в его меткости и, стало быть, способности поразить врага. И, следовательно, в оправданности моего спокойного сна, который, кстати, ни к черту.

Зачем он бросил в меня бутылку, как будто я шпион? Или, как минимум, нарушитель границы?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что я, конечно, нарушаю границы – моральные. И мне показалось, что есть смысл учредить День Морального Пограничника. И в этот День вообще запирать метро, предварительно запустив туда всех причастных.

Поезд в огне

На днях со мной случилось маленькое приключение. У меня сломался мобильник, а он же еще и часы. Перестал включаться. Начинаешь заряжать – включается, но команды не слушает.

И я повез его к ветеринару.

Наивный человек!

Доктора расхотались мне в лицо. Они отфутболили меня в гарантийную больницу для телефонов, где койко-день – как в моем стационаре, аж сорок пять суток. Диагностика, лечение – все, как положено. Причем в ту самую, где мне его, запеленатого, вынесли полгода тому назад, еще с девственно чистой памятью, не испорченной номерами разных личностей, любителей говорить малышам-телефонам скабрзные слова.

И она далеко, больница эта.

Поняв, что дела мои беспросветны, я забрался в автобус и поехал домой.

А когда решил выходить, телефон, он же часы, выпрыгнул из футляра и весело заскакал поперек бабки в пекло. Вернее, из пекла, ибо в автобусе и бабке было невыносимо.

Он шлепнулся на тротуар и, как встарь, заголосил первым младенческим криком.

Он выздоровел, возмущенный акушерским шлепком.

Сегодня он мне приснился и был проказлив. Я гонялся за ним на поездах, меняя состав за составом, но он победоносно уворачивался. А поезда были самые разные, и я перескакивал из одного в другой со сверхъестественной скоростью. Они были мыльно-облачные, просто железные, шерстяные, а последний вообще был огненный. И этот поезд мчался в огне, а я норовил ухватить мобильник, чтобы взглянуть, который час. И уловил.

Утром же, когда я встал, все часы в доме показывали разное время.

Форма материи

Ехал в автобусе и внимательно читал бегущую строку.

Там говорилось:

АВТОБУС СОЕДИНЯЕТ ЛЮДЕЙ!

Как это верно. Я моментально ощутил это на себе. Я только бы уточнил, что он соединяет белковых тел и нуклеиновых кислот.

В известной мере будучи формой их существования.

Игрушечное счастье

Маршрутка.

Еду и смотрю в унылое окно. Вижу стоматологическую вывеску: «Счастливые зубы»

Вот же как оно бывает: у зубов может быть счастье. И у хуя. И у желудка. И даже у мозга. А у человека – нет.

...Напротив сосала из банки седьмую Балтику какая-то девица. Она болтала по мобильнику с приятелем. Или подругой. И говорила, что хочет большую мягкую игрушку. А потом исподтишка сфотографировала мобильником меня. Вполне счастливая.

И я не знаю, что думать. Я совсем не большой. И на сегодняшний день совершенно не мягкий: накануне провертел в ремне две новые дырки. Вилкой.

Ничего я не понимаю в жизни.

Озноб

– Что читаем?

Это меня так спросили. Женщина спросила. Я поднимался на эскалаторе и читал. Я стоял на ступеньке слева, а она – справа.

Я показал ей, что мы читаем.

– О-о, – уважительно протянула она, хотя уважать меня было не за что, наоборот.

Я сделал вид, что читаю дальше, и до самого верха чувствовал, как она сверлит меня взглядом. И покашливает.

Одега не броско – джинсы да куртка; не особенно молодая, не платная блядь, которую за версту видно, не пьяная – абсолютно обыкновенная, каких легион.

При мысли о том, что может твориться там в голове, меня пробирает озноб.

Все, что угодно.

24 часа

Когда-то у меня были наручные часы. Это были удивительные часы, и я не знаю, что с ними стало. Наверное, то же, что с остальными. У них был циферблат не на 12 часов, а на 24. Понять по расположению стрелок, который час, было решительно невозможно, я и сам не понимал. Но когда ехал в метро, всегда старался положить руку так, чтобы всем было видно – особенно, когда стоял и держался.

Люди же крайне любопытны. При виде книжки им позарез хочется узнать, про что там написано. А при виде часов – сколько времени. Я нарочно становился так, чтобы они вывернули себе шею и мозг задом, пытаюсь сообразить, что же такое подсказывают им мои часы.

Зазеркалье

Метро, вагон.

Вошел человек – черный, как муха, с косичкой. Двери еще не съехались, а он уже победоносно провозгласил:

– Гелевые ручки! пишут по дереву, по стеклу, по бумаге...

С другого конца вагона написалась женщина, гелевой ручкой судьбы. В руках она держала какие-то линзы. Она гневно заорала на весь вагон:

– Ты че – больной, Арам?!...

Арам немедленно замолчал и сел.

Женщина прогулялась по проходу, поторговала линзами. Потом вышла, на платформе взяла под руку якута, который двумя перегонами раньше казался простым пассажиром и купил у еще одного продавца Новые Правила Дорожного Движения со всеми штрафами, как обещал продавец.

Они стояли на платформе и смеялись. Потом женщина закричала во все горло:

– Света! Света!

От головы поезда, радостно улыбаясь двумя рядами железных зубов, бежала Света, с авторучками – наверное, гелевыми.

Они все соединились.

Поезд поехал, Арам сидел. Он ехал долго, я уже вышел, а он так и ехал дальше.

Проекция

Мы ничего не знаем о мире, кроме себя самих.

Метро. Плотного сложения господин, покачиваясь на краю платформы, с полупустой бутылкой пива в руке, негромко взрывается:

– Свиньи, блядь!... все свиньи...

Москва – Петербург

Если ехать далеко, я постепенно превращаюсь в губку и начинаю впитывать все вокруг. ...Позади меня – в смысле кресла – кто-то устраивается. Разговаривает вежливо, с хорошей артикуляцией:

– Давайте, вы все-таки встанете, иначе я сяду своей попой на вас, и будет очень некомфортно и вам, и мне...

Обстоятельное проговаривание сценария заставляет допустить обратное.

...Супружеская чета. Самку за креслом не видно. Он – очень большой, кушает куриную лапу. Он кушал и пил все восемь часов, с небольшими паузами. Когда вставал, негодовал на невидимку в сортире: «Еб твою мать, да ты там охуел!» Продолжая браниться и уже безадресно, метафизически поминая блядь, уходил в межвагонное пространство, каковым и довольствовался.

...В Бологом сели две старушки.

Очень уютные, городские, воспитанные. Я редко к кому испытываю любовь, редко проникаюсь, но тут меня затопило. Одна – настоящая леди, мисс Марпл; вторая попроще, но несколько не хуже.

Они ворковали, как горлицы на закате солнца. О том, какая вкусная колбаска, и как они замечательно пьют чаёк, прямо сейчас вот; и что есть другая колбаска, тоже хорошая; и я растроганно млел, слушая этот кухонный бред, пока мне не захотелось их убить.

Напрасно я так захотел. Своими мыслями я приковал к ним внимание свирепой окружающей среды. В виде того самого семьянина, который сидел позади них. Еще до того, как совсем опиться и заморгать запоросевшими пуговичными глазками; до того, как поссориться с самкой, затеяв с ней спор о том, что такое боковой карман у сумки и где он находится; до того, как был назван ею уродиной и ударен – до всего этого он вступил с ними в задушевный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.